

Позвольте коту повернуться. Путешествие одного человека через двадцатый век

Кинг Александр — президент Римского клуба (1984–1995 гг.).
Пер. с англ. Н.Н. Мальцевой.
Материал предоставлен профессором С.П. Капицей.
На русском языке публикуется впервые.

Порядок Вещей (Ведомый любопытством)

*Любовь! Могли ли я совпасть с тобой
в моей судьбе,
Познать печальный смысл вещей
всеобщий,
Не разбивая их на мелкие частички,
И изменить его, приблизив к
Желаньям Сердца?*
Омар Хайям. Из «Рубайят», XII в.

*О женщины! Всегда так было,
исколон веков:
Мужчины неразумны, ими движет
любопытство,
Они витают в облаках,
им дела нет до нас.
Мы выбираем Золотой Путь
в Самарканд.
Джеймс Элрой Флекер.
Из пьесы «Хасан», популярной
в начале XX в.*

Я приближаюсь к концу моей истории. Ритм моей деловой жизни неожиданно изменился в январе 1994 г., когда я перенес инсульт, парализовавший левую часть моего тела, но чудесным образом пощадивший мой разум и память. Я достаточно быстро восстановился, но испытывал некоторые сложности при ходьбе. Мы чувствовали себя уязвимыми, живя в Париже, а потому переехали в небольшую квартирку в Лондоне, чтобы быть поближе к детям. Я компенсировал недостаток мобильности, гоняя по улицам Лондона на электрическом скутере. У нас осталась недвижимостью в Париже и дом в Миди, он стал летним пристанищем для всей семьи, его часто используют дети, внуки, а сейчас и шестеро правнуков.

Салли хорошо за мной ухаживала, пока я восстанавливался после инсульта в Лондоне, и мы зажили вдвоем тихой семейной жизнью, о которой так давно мечтали, но которую я так долго откладывал по причине моей бешеной активности. Но этому не суждено было сбыться. Вскоре стало ясно, что Салли теряет память и медленно погружается в слабоумие. Таким образом, ситуация поменя-

лась «с точностью до наоборот», и в течение следующих шести лет я обеспечивал все ее потребности. Это были грустные и тягостные времена — особенно потому, что она отдавала себе отчет в своем состоянии. «Это ужасно, — говорила она, — осознавать, что я умираю дюйм за дюймом». До самого конца она узнавала наших дочерей и меня, а время от времени еще и демонстрировала некоторые аспекты своего характера валькирии.

В течение всех этих лет я фактически был пленником в нашем доме. Лишь иногда мне удавалось выбраться за границу по делам Римского клуба или прочитать пару лекций в Лондоне. Но у меня было достаточно времени на осмысление, я начал переоценивать свое прошлое и делать наброски для автобиографии. Эта заключительная глава в большей или меньшей степени представляет собой некое дополнение к книге и посвящена периоду после Римского клуба; она — крик души, обусловленный неожиданным осознанием масштаба погружения общества в декаданс.

Я осознаю, что моя жизнь, без сомнения, была целостной и в ней всегда присутствовало «эго», которое я неизменно ставил во главу угла. Тем не менее в моей интеллектуальной, эмоциональной и географической окружающей среде я столкнулся с многочисленными непредусмотренными, что направило меня в целый ряд несоизмеримых маленьких миров, каждый со своим собственным горизонтом, в направлении к которым и текла моя жизнь. Я был свидетелем большинства событий XX в. и удивлялся историческим пространствам, раскрывавшимся передо мной, беспрецедентному масштабу изменений, происходивших в течение жизни одного человека.

Я пережил две мировые войны и холодную войну, когда дамоклов

меч ядерной угрозы висел над человечеством — впрочем, он висит и сейчас. Я был свидетелем подъема, падения и полного краха итальянского фашизма, германского нацизма и советского коммунизма, более или менее мирного распада Британской империи, деколонизации третьего мира и формирования американской гегемонии. Я наслаждался или страдал, переживая экзистенциализм, психоанализ, сексуальную революцию, женскую эмансипацию, феминизм, постмодернизм, смерть Господа Бога и конец истории, так же как и множество культов и движений, слишком многочисленных для того, чтобы их упомянуть. У меня сохранились личные воспоминания о путешествиях к железнодорожной станции в

Не думаю, что какая-либо другая эпоха смогла бы вместить так много истории в жизненный цикл одного человека.

двухколесном экипаже и о поездках в трамвае на конной тяге, хотя я и дожил до полета на сверхзвуковом «конкорде». Не думаю, что какая-либо другая эпоха смогла бы вместить так много истории в жизненный цикл одного человека или что ее самые значительные перемены смогли бы произойти одновременно во множестве элементов жизни как отдельного индивида, так и общества в целом. Наша информированность и наши знания выросли поразительно, и мы владеем такими техническими и экономическими инструментами, которые способны сформировать объективный, справедливый и благопристойно процветающий мир. Несмотря на все это, мы пережили самый кровавый век в истории человечества. Я выделяю несколько признаков, которые человеческая мудрость выработала в течение последних 5000 лет.

Я начал свою карьеру, будучи искренне убежден, что накопление научных знаний позволит ради-

кально улучшить условия жизни человечества. Сейчас, более чем полвека спустя, я все еще верю, что это должно быть так, но мой оптимизм уменьшает болезненное осознание того, что наука может также служить целям эксплуатации, тирании и разрушения жизни и планеты. Будут ли результаты успешного открытия использованы на благо человечества или ущерб от его последствий зависит от видения, мудрости (спорной?) или жадности принимающих решение? На мой взгляд достаточно пожилого человека, технологические инновации, несмотря на огромный вклад в дело улучшения благосостояния человечества, вызвали значительное, хотя и непредусмотренное, ухудшение качества жизни.

Когда я впервые набросал план этой книги, предполагалось, что в ее последней главе, которую я хотел назвать «Заключительные размышления», должны содержаться мои мысли конца XX в. Обобщая работу всей моей жизни, она в то же время должна была содержать легкую критику мотиваций, суждений и поведения как моего, так и других людей. Дойдя до конца книги и дожив до начала нового века, я понимаю, что такое ее завершение было бы безответственным. Я настолько обеспокоен вопиющим материализмом общества и явной тривиализацией духовных основ человечества, что считаю долгом выразить свои взгляды на общество через оценку картины «всеобщего плана печальных перспектив».

За последние 20 лет произошли значительные изменения в природе самого общества. Материализм восторжествовал; потребление является основной движущей силой. С крушением коммунизма капитализм почти повсеместно

был принят как единственная бесспорно успешная экономическая система. У меня с этим нет сложностей. Однако с самим капитализмом происходят метаморфозы, которые перекраивают глобальную систему и представляют собой угрозу будущему как человечества, так и планеты в целом.

Относительно благожелательный, контролируемый капитализм, который господствовал на Западе до конца 1970-х гг., обеспечив беспрецедентный достаток, постепенно утратил рычаги управления и развился в то, что вежливо называется «свободный рынок», а я бы назвал «просвещенным капитализмом джунглей». Я иронично использую слово «просвещенный», чтобы показать, как система стоит на страже своих собственных интересов, стремясь обеспечить присутствие сетей безопас-

Капитализм развился в то, что вежливо называется «свободный рынок», а я бы назвал «просвещенным капитализмом джунглей».

ности на случай необходимости предотвращения разрушений в результате социальных волнений и общественного недовольства. Это не внезапная аберрация, соответствующая случайным отклонениям магнитной оси планеты, тем не менее в социальной сфере это может иметь очень большое значение и может оказаться необратимым. Социальная ось планеты сдвинулась на много градусов правее относительно своего обычного полюса. Вследствие этого целью общества в целом — как и его отдельных индивидов — стало обогащение любой ценой. Стремление к богатству присутствовало всегда, но прежде было лишь одним из стимулов. До сих пор лидеры общества скорее стремились к власти и славе, нежели к богатству как таковому. Излишнее стремление к власти испокон веков приводило к появлению диктаторов — таких как Сталин и Гитлер, а появление множест-

ва мелких тиранов — к эксплуатации, потере свободы и в конечном итоге к войне.

Дерегуляция, приватизация, технологический прорыв и глобализация торговли привели к образованию сегодняшнего «капитализма джунглей». Он предпочтителен как надежная база для динамичной экономики, которая будет бесконечно порождать новое богатство. Может быть и так, но какой ценой? И дело не просто в свободе покупать или продавать; он привносит прибыль в любую сделку, частную или коллективную. Мы видим прогрессирующее поглощение рынком многочисленных сфер, которые до сих пор не имели никакого отношения к деньгам. Наука, как и прочие области знания, в настоящее время рассматривается как что-то произведенное и, как и любой дру-

гой продукт, продаваемое на наиболее выгодных условиях. Новая безжалостная система не демонстрирует никаких признаков наличия сердца и проявления сердечности. Она не обращает внимания на обязательства по отношению к безработным или к их доведенным до бедности сообществам, ослабляет авторитет правил, ускоряет разрушение окружающей среды и разлагает духовные начала человечества.

Необходимо сделать несколько комментариев по поводу «глобализации», как она сейчас понимается. Учитывая международный характер моих интересов, я всегда был заинтересован в предложениях и мечтах о единственном и едином мире, в котором разнообразие народов и культур может сосуществовать в гармонии. Но большинство предлагавшихся схем — таких как всемирная федерация, например,

представлялись слишком сильно зависимыми от старых политических идей, ставших неактуальными. Таким образом, я, естественно, испытываю любопытство по поводу последствий торговой глобализации и критично к ней настроен ввиду недостатка идеологии и нацеленности лишь на максимизацию прибыли. Мне представляется очевидным, что производство богатств без уделения внимания тому, как они будут распределяться и для каких целей будут употребляться, должно как минимум поднять существующие гуманитарные вопросы на более высокий уровень и тем самым сделать их решение еще более сложным.

Процесс глобализации имеет достаточно противоречивые последствия для будущего существующих наций-государств. С одной стороны, он носит высокоинтегрирующий характер и интенсифицирует глобальную политику, экономику, военную сферу, а также технологические, научные и культурные взаимосвязи. Это может сделать более терпимым отношение к разным культурам и создать универсальную атмосферу для международных отношений — или произойдет нечто прямо противоположное.

С другой стороны, глобализация разрушительна. Она разъединяет сообщества, разрушает рабочие места, ослабляет государственные структуры, обостряет конфликты интересов и углубляет социальную стратификацию. Глобализация заключает в себе недопустимую дихотомию более тесного сотрудничества и социальной разобщенности.

После долгих лет борьбы за повышение производительности в промышленности и сельском хозяйстве, а также за ускорение восстановления разрушенной войной Европы я был шокирован, когда осознал, что ситуация лишь ухудшается. Мы достигли целей в основном за счет создания моти-

вации, разделяемой партнерами по производству, убеждая их, что результаты труда будут разделены между ними по справедливости. Движение за производительность, таким образом, имело позитивные социальные и экономические ценности и цели. К 1980 г. рост производительности вновь приобрел значимость, но в совершенно другом социальном и экономическом разрезе. При беспощадной конкуренции единственный способ, которым фирма может завоевать преимущество перед своими основными конкурентами — это максимизация выработки на каждого отдельного рабочего. Повышение личной эффективности рабочих имеет пределы — таким образом, единственный путь достижения более высокой производительности состоит в усовершенствовании технологии процесса. На самом деле это означает замену людей машинами. В случае успеха богатство создано, рабочие места потеряны, жизни разрушены. Слишком мало было дискуссий о гуманитарных аспектах таких изменений. Потеря рабочих мест попадает в общую статистику по безработице, в то время как возросшие прибыли спокойно текут в карманы менеджеров и акционеров. Во времена моей юности меня учили, что экономика существует для людей. Сейчас я в этом сомневаюсь.

В 1968 г., пораженный синдромом «роста во имя роста», я задался вопросом: чему в конечном счете способствует рост? Я до сих пор не получил вразумительного ответа. Сегодня этот вопрос приобрел еще большую актуальность в связи с надвигающейся на нас глобализацией. Совершенно логично спросить: что случится с деньгами? Для стабильности любое правительство должно прийти к взаимопониманию со своими гражданами в части, касающейся распределения богатств.

Практика «экономики джунглей» была разработана в Америке, хотя

существует мнение, что в то же самое время она была изобретена Маргарет Тэтчер. Она быстро распространяется по европейским странам при некотором противодействии со стороны Франции и начинает проникать повсеместно. Ни одна нация не может выпасть из жестокого марафона свободного рынка из страха отстать от других в случае ослабления экономики в мире растущих прибылей.

Существует и явно выраженная оппозиция «капитализму джунглей». Ее представляют многочисленные разрозненные группировки, но их доводы порой противоречивы. Скорее всего, это противостояние продолжится, т.к., например, большинство интеллектуалов и артистов напуганы навязываемым им мощным напором материализма. Тем не менее большинство граждан США и Соединенного Королевства слепо его принимают, не отдавая себе отчета в последствиях. За десятилетия экономического роста и повышающегося достатка поднялись на новый уровень ожидания еще большего изобилия, сегодня воспринимаемого многими как должное. Что питает двигатель потребительского спроса и поощряет экономическую безответственность отдельно взятого человека?

Считается, что шопинг стал национальным хобби британцев. Соблазн потратить больше, чем зара-

батываешь, очень велик. Личный потребительский кредит достаточно легко получить; несомненно, давление и соблазн покупок с его помощью настолько мощны, что сопротивляться этому очень тяжело. В Америке комбинированный личный долг уже достиг 90% годового дохода; не случайно Америка с ее неизменно высоким внешнеторговым дефицитом имеет и гигантский внешний долг. В бедных странах люди влезают в долги, чтобы не умереть от голода; в богатых странах берут кредиты не для выплаты долгов или на самое необходимое, а для приобретения предметов роскоши и следования моде. В таких странах жизнь в долг на постоянной основе является нормой. Насколько это отличается от времен моей юности, когда жизнь в кредит считалась чем-то недостойным и сам факт скрывался от окружающих любой ценой! Кредитная карта удивительно удобна, но это ловушка.

Жизнь за счет будущих заработков, отказ от обеспечения своего будущего неизбежно оказывает влияние на уровень национальных сбережений. В некоторых восточноазиатских странах люди откладывают большую часть своего дохода; в Японии — около одной трети. Жители континентальной Европы откладывают около одной пятой части заработка, в то время как сбережения британцев упали до одной десятой, а

Иероним Босх. Страшный суд (фрагмент)

американцев — до одной двадцатой части и все еще продолжают снижаться. В Британии сложилась любопытная двойственная ситуация: с одной стороны, экономическая политика направлена на рост через потребление, а с другой — правительство подстегивает население к увеличению объемов сбережений, чтобы обеспечить пенсии растущему числу долгожителей-пенсионеров.

В условиях иного — благожелательного, контролируемого капитализма европейские страны накопили тяжкое бремя безработицы. Это произошло частично вследствие очень тяжелых социальных перемен, снизивших конкурентоспособность промышленности этих стран. В Америке высокий экономический рост и начало «капитализма джунглей» довели безработицу до очень низкого уровня, хотя официальные цифры и скрывают реальную ситуацию.

Многие новые рабочие места предлагают низкие заработки, являются временными и ненадежными. Для того чтобы быть абсолютно правдивыми и сопоставимыми, статистические данные по международной безработице должны быть пересмотрены с учетом качества безработицы. По уровню безработицы Англия находится где-то между Америкой и континентальной Европой благодаря политической необходимости сохранять по крайней мере некоторые легенды о Стране Благоденствия.

Структурная безработица и, в частности, ее качественные элементы имеют тенденцию к сохранению в рамках новой системы. Это происходит частично вследствие замены людей современными технологиями, частично в результате размещения производства международных компаний в странах, где стоимость рабочей силы достаточно низка. Часто приводятся аргументы в пользу того, что потеря рабочих мест в

производственной сфере будет компенсироваться за счет новых рабочих мест в секторе обслуживания. Это сомнительно; именно в банковской сфере, в страховании и в финансовом секторе крупномасштабные увольнения наиболее очевидны. Более того, значительная часть занятых в обслуживающей сфере плохо оплачиваются, работают на сезонной основе, неполный рабочий день и без гарантий. Сокращение значимых, надежных рабочих мест и уменьшение количества рабочих часов неизбежно приведет к огромным социальным проблемам и фундаментальной реструктуризации моделей общества. «Капитализм джунглей» едва ли способствует социальной справедливости.

Отсутствие безопасности — вот основная характеристика современного общества. Работодатели вольны нанимать и увольнять во имя эффективности, в то время как концепции преданности, заботы о семейных и общественных ценностях совершенно забыты. У профессиональных союзов слишком мало правовых инструментов для защиты своих

членов. Они до сих пор организуют акции протеста и забастовки, но эти акции стали менее частыми и менее эффективными. Мир бизнеса барахтается в небезопасности. Джунгли полны хищников больших и малых. Успешные маленькие или средние фирмы легко поглощаются алчными предпринимателями. Многие очень большие предприятия осаждают враждебно настроенные конкуренты с предложениями по поглощению и слиянию, которым трудно противостоять. Менеджмент не может ожидать преданности от акционеров, т.к. большинство акционеров — это организации-инвесторы, единственной целью которых являются большие прибыли и рост капитала. Такие поглощения часто заканчиваются для многих драматической потерей рабочих мест. Некоторые из уволенных позже вновь принимаются на работу на менее выгодных условиях.

Все это ставит передо мной трудные вопросы о слишком больших различиях в благосостоянии между странами и внутри национальных сообществ. Самое большое и постыдное из таких неравенств существует между богатыми промышленными странами Севера и бедными недоразвитыми странами Юга. Долгое время в развитых странах считалось, что программы помощи с нищетой, голодом и болезнями могут быть эффективны. В действительности эти усилия оказывались недостаточными и, более того, подверженными влиянию идеологии моделей развития стран-доноров, которая была неприменима в странах-реципиентах.

Проблема бедности существует так давно, страдания их настолько далеки от опыта жителей богатых стран, а количество охваченных бедностью столь велико, что все это имеет тенденцию к рассмотрению просто в рамках статистики. Лишь когда телевидение шокирует публику видом истощенных детей или разоренных землетря-

Иероним Босх. Корабль дураков

сением деревень, правительства и люди начинают реагировать. На самом деле спонтанная реакция государств и народов на катастрофы, войны или акты терроризма, а также нарушение прав человека является счастливым показателем того, что сострадание все еще существует в современных «джунглях». Забота о людях, находящихся в опасности в отдаленных уголках Земли, хотя и мимолетна, все же ярко контрастирует с ситуацией более чем вековой давности, когда отчаяние жертв картофельного голода в Ирландии нашло слабый отклик в сердцах британцев.

Растущее неравенство в распределении богатства в обществе представляется мне будущим новой экономики. Богатый становится богаче, а бедный — беднее. В Британии «лучшие» 50% населения владеют 93% национального богатства в отличие от 7%, получаемых оставшейся половиной населения. Это, конечно же, недопустимо! В последние два десятилетия мы стали свидетелями беспрецедентного роста численности очень богатых людей. Некоторые из них взлетели до супербогатства за счет бешеных интернет-спекуляций, другие — в результате корпоративных слияний и предпринимательского успеха. Футбольные миллионеры и поп-звезды не жалеют своего богатства; лотерея создает трех новых миллионеров за неделю.

Однако самая неестественная ситуация сложилась в Америке, где рынок достигает предельной свободы. Считается, что около 350 тыс. американских семей владеют более чем 10 млн долл. каждая. В журнале *Forbs*, ежегодно публикующем список 400 самых богатых американцев, отмечается, что 267 из них владеют собственным капиталом в размере более 1 млрд долл. каждый. Кажется абсурдным, что один богатый американец может быть состоятельнее, чем

несколько африканских стран. В то же время бедность в городских районах Америки ужасающая. Предполагается, что новое богатство должно постепенно стекать к бедным, но сама система, кажется, не желает создавать механизма для этого.

Перед всемогущим долларом всегда благоговели; сегодня его обожествление — светская религия, включившая в себя и догмы некоторых евангелических сект, члены которых выступают в поддержку политических прав. Вы-

В Британии «лучшие» 50% населения владеют 93% национального богатства в отличие от 7%, получаемых оставшейся половиной населения.

росшее как гриб финансовое благополучие, связанное с развитием мировых телекоммуникаций и компьютерных технологий, проливает свет на природу «экономики джунглей». Таким наивным людям, как я, кажется невероятным, что такая компания, как AOL, с ее особым предпринимательским стилем и напористостью, способна привлечь огромный капитал и слиться с давно признанной, крупной корпорацией еще до того, как она получила прибыль. Это заставляет усомниться в реальности разбросанных вокруг миллиардов, порождающих все больше и больше (только на бумаге?) миллиардеров. Не мыльный ли это пузырь, готовый лопнуть?

Какова же тогда природа стремления к богатству и каково вознаграждение за это в человеческом плане? Я хотел бы начать с рассмотрения примитивных биологических инстинктов, свойственных каждому из нас — той искры, которая в природе отличает все живое от неживого. Силой жизни (старинный викторианский термин), как представляется, наделено в равной мере все живое от травинки до слона, в том числе и человек. Обязательными ус-

ловиями жизни являются усвоение пищи и защита от хищников. Универсальное «эго», обладающее тремя неотъемлемыми побуждениями — искать пищу, воспроизводить потомство и защищать свою территорию. Человека, как и представителей многих других биологических видов, стимул к выживанию заставил сплотиться для защиты от врагов, тем самым способствуя развитию семьи, общества и, в конечном итоге, нации. Социальное поведение формировалось постепенно. Защита территории

и агрессия с целью ее расширения вели к войне, шовинизму и жажде власти.

Эти первобытные побуждения все еще сохраняются, и универсальное «эго» руководит всеми нами в большей или меньшей степени, стимулируя нас на подвиги творчества и инноваций. Оно также является источником таких деструктивных аспектов, как эгоизм, господство и эксплуатация. Один из элементов этого — личностное развитие, через которое мы стремимся подняться в глазах окружающих, включая коллег и соперников. Политика является постоянным стремлением поддерживать безопасное, конструктивное равновесие между позитивными и негативными аспектами «эго».

Мы, как представляется, не были наделены каким-либо специальным механизмом, который заставлял бы нас бороться за богатство как таковое — сила жизни вряд ли изначально предусматривала концепцию денег. Она предположительно возникла как производное от необходимости выживать. Она есть в определенных пределах у большинства людей в большинстве культур, в некоторых с переизбытком. У по-

следних она носит мощный побудительный характер, и те, кто ей подвержен, вряд ли могут разорвать эту зависимость. В 19-й главе я рассказал о Роберте Максвелле, который, уже будучи миллионером, говорил, что легко мог бы стать еще богаче, но ему наскучила эта «игра» и он хотел бы, чтобы его помнили за все то доброе, что он сделал для человечества. Тем не менее он был явно не в состоянии противостоять искушению все более увеличивать свое богатство. В конечном итоге он начал использовать преступные методы и был найден мертвым в море у Тенерифе.

Больше всего супербогатых людей в Соединенных Штатах. Эта страна также занимает исключительное положение в отношении уважения, с которым завистливая публика относится к своим кумирам, подобным царю Мидасу, что, видимо, связано с протестантскими корнями общества США, сохранившимися в американской «плавильной печи». Способность к тяжелой, порой монотонной работе и твердую веру в силу и добродетель успеха американцы унаследовали от отцов-пилигримов, что обеспечивает им благопри-

неги, Меллону и Форду, они, как правило, оставляют свои огромные состояния благотворительным фондам, которые становятся мемориалами их финансовых достижений. И хотя это не в моем вкусе, я могу понять стремление отдельных людей приобретать предметы роскоши, владеть машинами, яхтами и самолетами, оставляя достаточно капитала, чтобы гарантировать безбедное существование. Однако стремление увеличивать богатство сверх определенного уровня расточительности кажется мне бессмысленным и патологическим. Это одна из форм мании коллекционирования, отнюдь не достойная уважения и гораздо более вредная, чем коллекционирование почтовых марок. Трудно признать чудовищные усилия по самообогащению вариантом традиционного «стремления к счастью».

В Великобритании восхищаются огромными заработками и образом жизни футболистов, моделей и рок-звезд. К нарочитому образу жизни очень богатых, но не развлекающихся людей относятся терпимо. Лишь на редких заседаниях советов директоров может быть объявлено, что доходы ру-

лина всегда была удивительно сильной. Тяжелая нищета перед лицом великолетия и роскоши воспринималась как predetermined порядок существования. На протяжении веков надежда на рай и боязнь попасть в ад в сочетании с редкой случайной помощью в виде хлеба и зрелищ со стороны государства обычно позволяли держать население в достаточной покорности. Марксисты объявили религию «опиумом для народа». Они правильно поняли проблему, но были неправы в том смысле, что объявили об этом, вместо того чтобы использовать. Даже на грязных улицах российских деревень живописные золоченые облачения священников и их звучный бас дают сегодня надежду и расцветивают однообразие жизни.

Однако в современном обществе материализма потеря религиозной веры, отсутствие уважения к власти и презрение к политикам говорят об исчезновении прежнего «наркотика». И тем не менее, что удивительно, это не приводит к заметному нарушению социальной стабильности. Нужен новый эффективный «опиум», и в настоящее время он легкодоступен. Это развлечения. Они доступны во многих формах — радио и ТВ, видео, Интернет, электронные игры, дискотеки, пивные пирушки и рейв-фестивали. К этому следует добавить зрелищные виды спорта, особенно футбол, который быстро стал светской религией. Это в основном пассивное времяпрепровождение заставляет проводить время «на широкую ногу». Оно не оставляет места для бесед, чтения книг, занятий политикой, активного спорта, игр с собственными детьми, созерцания звезд или размышлений о цели существования. «Массы» с головой уходят в развлечения, предаваясь им страстно, а временами и истерично. Серьезные проблемы, чтобы привлечь внимание зрителей, должны быть обернуты в развлекающую упаковку. Индустрия развлечений с ее движущей

Атавистическое пуританство очень богатых американцев делает их сухими и серыми; трудоголизм затрудняет контакты с обществом.

ятные условия для вступления в «джунгли» нового тысячелетия. Обобщая, я бы сказал, что очень богатые американцы отличаются от столь же богатых людей в большинстве других стран. Их атавистическое пуританство делает их сухими и серыми; трудоголизм затрудняет контакты с обществом; как и другие американцы, они позволяют себе лишь две недели отпуска в год, не допускают ничего избыточного или бросающегося в глаза, и даже намек на гедонизм не омрачает их образа. Подобно Рокфеллеру, Кар-

ководителей высшего звена в 400 раз превышают заработки рабочих.

Разрыв между богатыми и бедными, вероятно, возрастет, если наступление неконтролируемой глобализации продолжится, а проблема нищеты не будет решена. Приведет ли это в конечном итоге к социальному потрясению? Не обязательно. На протяжении истории различия в условиях жизни аристократов и крестьян неизменно были огромными, тем не менее общественная дисципли-

силой и прибылями, сохраняющимися благодаря новым находкам и следующим за этим волнам новых технологий, крайне коммерциализована. Возьмем, например, футбольный клуб «Манчестер юнайтед», который на фондовой бирже оценивается в 1 млрд фунтов стерлингов. Развлечения, таким образом, сами по себе являются важной составляющей культуры потребления, которая движет экономикой.

Настало время свести некоторые из этих вопросов воедино и предложить модель того, какой мировая экономика, вероятнее всего, будет через несколько десятилетий в результате более глубокого проникновения «экономики джунглей» во многие страны, только сейчас начинающие отстаивать свои добродетели. Давайте назовем этот новый мировой порядок «печальной схемой». В рамках данной схемы мирового масштаба я вижу создание богатства как уникальную и все себе подчиняющую цель. Глобализация торговли будет полной, а «экономика джунглей» весьма успешной. Страны, которые сейчас мы классифицируем как развитые, станут значительно богаче, чем сегодня. Некоторые из них будут действительно купаться в богатстве, тем не менее там сохранится множество низкооплачиваемых рабочих мест и безработных. Неравенство между богатыми и бедными, таким образом, станет еще больше чем когда-либо. Индустрия развлечений вырастет быстро, будет идти в ногу с экономикой, с тем чтобы массы оставались политически пассивными. Их единственной функцией будет потребление.

Большинство отраслей промышленности будет перенесено в беднейшие страны, за исключением высокомеханизированного сельского хозяйства, управляемого огромными корпорациями, конкурирующими за эксплуатацию наиболее плодородных регионов. Существующие нацио-

Иероним Босх. Св. Иоанн на Патмосе

нальные государства если и будут по-прежнему существовать, то лишь для сохранения традиций, популярных у туристов. Уровень жизни в бедных странах значительно вырастет как следствие успеха «экономики джунглей» во всем мире. Кроме того, после осознания необходимости в росте потребления увеличение покупательной способности в малоразвитых странах станет приоритетным. В то же время традиции первоначального туземного общества будут видоизменены и значительно коррумпированы. Чтобы свести к минимуму многолетние вспышки гражданских и племенных войн, нужно щедро поставлять «опиум» развлечений. Мировые корпорации, проповедуя евангелие потребления и развлечений, а также с целью продажи оборудования и программного обеспечения, будут направлять «миссионеров», способных удерживать народ в состоянии шумного счастья. Это оборудование будет сравнительно недорогим вследствие огромных размеров рынков и, несомненно, будет включать такой эффективный наркотик, как «взрослое» видео.

Богатые и чудовищно богатые станут в основном жить в крупных городах бывших развитых стран, а также в климатически привлекательных регионах за рубежом. Они будут по-прежнему одержимы увеличением своего и без того огромного богатства. Поэтому их основной деятельностью будет сохранение или увеличение доли рынка, занимаемой продуктами их корпораций, и разработка новых методов финансовых и технологических инноваций, включая и основную задачу по сохранению движущей силы индустрии развлечений. Мировые корпорации будут почти монополично оказывать поддержку научным исследованиям, включая искусственный интеллект, генетические манипуляции и нанонауки, имеющие огромный прибыльный потенциал и сулящие возможности переустройства мира. Уже одно это поднимает сложные этические вопросы. Трудно понять, каким образом в условиях, когда господствует стремление получать прибыль и отсутствует тотальный контроль, открытия, имеющие огромное значение, могут быть использованы для обеспечения будущего человечества и планеты.

При утечке суверенитета из национальных государств именно корпорации начнут принимать большинство крупных решений национального масштаба, самостоятельно или совместно с другими корпорациями. Политика, как мы знаем, будет представлять мало интереса и осуществляться в основном на уровне городов, общин или племен. Власть будет рассматриваться с точки зрения контроля возможностей для производства материальных благ, так что будет трудно понять, кто фактически отвечает за функционирование планеты. Спекулянты останутся, постоянно перекачивая миллиарды долларов с одного рынка на другой и надеясь использовать любые небольшие изменения,

как только они появляются. Эти анонимные играющие в казино «странники в ночи», как их трогательно называет Вотер ван Дирен, вероятно, являются единственной группой, опасующейся корпоративных лидеров, которые влияют на их решения и представляют угрозу их стратегиям не в смысле стремления к власти или к влиянию на идеологию, а за счет случайного оппортунизма. Они будут обладать большой властью, но не будут заинтересованы в ее применении, их единственная честолюбивая цель, как и у олигархов, заключается в приращении собственных богатств.

Кто же тогда будет нести ответственность за будущее планеты? Неужели мы все возвращаемся во Вселенной в корабле без рулевого управления или просто погружаемся в лоно саморегулирующейся Природы по теории Гайя?

Предвижу появление нового Оруэлла, который напишет страшный роман, чтобы предупредить мир об опасности оскудения всего, если мы не перестанем поклоняться одному Богу — деньгам.

Пророчество — это последнее, на что может претендовать данная пагубная модель. Я рассматриваю ее как предупреждение обществу, которое должно радикально изменить направление движения, чтобы этого не произошло. Я полностью признаю, что модель моей «печальной схемы» столь же упрощена, сколь мрачна и пессимистична. Например, она игнорирует проблемы войны и мира, экологической угрозы, вытекающей из глобального потепления, которое к середине нашего века может перечеркнуть весь этот сценарий. К этому же времени мировой дефицит энергии начнет влиять на перспективы дальнейшего роста. Действительно, было бы целесообразно приступить к рассмотрению энергетической стратегии посленефтя-

ной эпохи уже сейчас. В конце концов за два коротких века мы используем все запасы ископаемого топлива, созданные природой из поглощенной энергии за миллионы лет солнечной радиации. Энергия является самым фундаментальным фактором в физическом уравнении, деньги — лишь ее заменитель. Как наши мультимиллиардеры приспособятся к жесткой экономике, когда нефть и уголь исчезнут навсегда? Было бы хорошо убедить их в необходимости работать с экономикой, основанной на энергии вместо денег!

После Второй мировой войны мы осознали, что значительная часть населения планеты стала жертвой тоталитарных режимов, пережила геноцид, угнетение, потерю личной свободы и достоинства. Та легкость, с которой это произошло, заставила многих опасаться, что стабиль-

ные, свободные страны могут в условиях кризиса достаточно легко подпасть под контроль «большого брата» — диктатора. В 1949 г. Джордж Оруэлл опубликовал роман «1984» — кошмарное описание тоталитаризма с его жестокими репрессиями в отношении человеческого духа. Это предупреждение о злоупотреблении властью имело огромное значение. 1984 г. прошел, а общество осталось невредимым.

Предвижу появление нового Оруэлла, который напишет страшный роман, возможно «2084» или «Сошествие в материализм», чтобы предупредить мир об опасности оскудения всего, от повседневной жизни до духовного развития, которое произойдет, если мы не пе-

рестанем поклоняться одному Богу — деньгам. Я хотел бы сделать это сам. Там было бы много места для интригующих спекуляций; например, позволит ли «насыщение» бедных стран развлечениями остановить демографический взрыв и заставить наших потомков возвращать потребителей, как мы сейчас разводим крупный рогатый скот для удовлетворения нашей плотоядной природы? Увы, у меня осталось не так много времени и мне недостает воображения. Все, что я могу сделать, — это предложить мою «печальную схему» как костяк, на основе которого другой писатель сможет построить свое произведение.

Уверен, что, когда наступит 2084 г., у мира будут совершенно другие заботы; «общество джунглей» уйдет в историю, как древние цивилизации. Будем надеяться, что вечные ценности переживут опасности окончательного материализма и будут искать себе применения в новых направлениях. Планетарные проблемы того времени, несомненно, будут такими же угрожающими, каким мне представляется сегодня «капитализм джунглей». Несмотря на все мои опасения за будущее человека и общества, я нахожу, что по-прежнему неизлечимо оптимистичен. Я до сих пор считаю, что человек разумный имеет внутренний потенциал для развития и способен стать чем-то большим, чем он есть.

Я должен завтра рано вставать, чтобы на такси доехать до вокзала Ватерлоо и успеть на восьмичасовой «Евростар» до Парижа. Мне предстоит сделать доклад на конференции по вопросам влияния науки на мир и гармонию между народами.

И вот я иду, ведомый любопытством и с Салли в сердце, я все еще ковыляю по золотому пути в Самарканд.

■

ПЭС 8243/07.10.2008